

Плейлист

Kina — Can We Kiss Forever?
Bonobo — Recurring
Oh Wonder — Technicolour Beat
Great Northern — Driveway
Haley Reinhart — Can't Help Falling in Love
Said the Sky — Darling VIP
Дискотека Авария — Недетское время
Ruelle — Come Fly With Me
SIA — California Dreamin'
Silhouette — Ascension (Instrumental)
Freya Ridings — Lost Without You
Gracie Abrams — Mean It
AQUILO — It All Comes Down to This
Vusal Zeinalov — Nagorno Mist

Книга первая

Кирилл

Глава 1

Сизое утро первого дня лета я встречаю за рулем старенького американского внедорожника, который достался мне в наследство от отца. Низко стелется туман. Дорога перед глазами серой лентой петляет между буйной зеленью и скалистыми обрывами, поднимается от побережья в предгорье, где расположен пункт моего назначения — детский лагерь с трогательным названием «Синичка».

В том, как стремительно меняется пейзаж, есть что-то медитативное. Повинуясь внезапному порыву, выключаю радио и открываю окно. Салон заполняют свежий и немного влажный утренний воздух и звонкое щебетание птиц. Уголки губ невольно приподнимаются в подобии улыбки: все-таки горы были и остаются моим местом силы. Сейчас я уверен, что приехать сюда на все лето было самым правильным решением.

Последние месяцы дались мне непросто. Смерть отца, смена работы, завал в университете, расставание с девушкой — если в жизни бывают черные полосы, то я пережил одну из них. Но папа всегда говорил, что наше существование — это череда оттенков. Поэтому предстоящие два месяца в горной глуши я воспринимаю с робким энтузиазмом и надеждой вырваться из затяжного пике. А для этого мне нужна твердая почва под ногами, которую, я чувствую, может мне обрести «Синичка».

Главный плюс жизни в лагере — это четкий график и стабильность. Я знаю, что буду вставать с рассветом и рано ложиться, заниматься спортом и питаться по режиму, вдыхать полной грудью свежесть, а не пыльный смог, встречу старых знакомых и, вероятно, заведу новых. И вспомню, наконец, каково это, когда горло не сдавливает воротник ненавистной рубашки, а ноги в удобных трекинговых ботинках свободно ступают по покрытой мхом и сухими ветками земле.

Как знак, что я на верном пути, на горизонте в густых зеленых зарослях появляется выцветший указатель. Сбросив скорость, я сворачиваю с основной трассы и через минуту езды по покрытой щебнем дорожке вижу очертания аккуратных бревенчатых домиков, проглядывающих сквозь вековые сосны и буки.

Охранник дядя Боря, разбуженный шумом двигателя моего «Доджа», высовывает косматую голову в старомодной фуражке из сторожки. В ответ на мое приветствие машет рукой, но ворота не открывает — суетливо сверяется со списком заявок на пропуск. И, только найдя в нем мою фамилию в паре с регистрационным номером автомобиля, нажимает на кнопку.

— Дмитрий Сергеевич у себя? — спрашиваю у дяди Бори, стоит капоту поравняться с его окошком.

— Где ж ему быть, — отвечает старичок, комично пожимая плечами. — Недавно видел его на обходе.

В этот ранний час парковка «Синички» пуста, за исключением насквозь проржавевшего грузовика и старенького «Фольксвагена», который принадлежит бессменному директору лагеря. Припарковавшись, я выпрыгиваю из машины, с наслаждением разминая затекшие от долгой поездки мышцы, открываю багажник и достаю увесистую дорожную сумку. В ней мой нехитрый гардероб на сезон, который я вновь проведу в роли водителя мальчишек из первого отряда. От мысли, что предстоящее лето уже точно станет для меня последним в «Синичке», я испытываю лег-

кую грусть, но больше — благодарность. Это место я считал своим вторым домом с тех пор, как меня, желторотого десятилетнего пацана, впервые привез сюда отец. Кто бы мог подумать, что я задержусь здесь на годы и со временем сменю положение мальчика-гостя на статус вожатого.

Закинув сумку на плечо, я закрываю машину и иду в лагерь. Миновав парковку и фестивальную площадь, нахожу уютный домик из сруба, который много лет выполняет функцию административного здания. Коротко стучу и, услышав раскатистое «войдите», распахиваю дверь в кабинет директора.

Дмитрий Сергеевич Панин руководит лагерем с тех времен, когда я еще шнурки не мог самостоятельно завязывать. Для меня он такой же символ этого места, как песни у костра и купание в горном озере.

— Кирилл, сынок, как я рад, что ты снова с нами! — Узнав меня, Панин с широкой улыбкой встает с кресла и вскидывает руки в знак приветствия.

В следующее мгновение я утопаю в медвежьих объятиях и исключительно из безграничного уважения позволяю старику по-свойски похлопать меня по спине. Да так, что у меня сотрясаются внутренние органы.

— Доброе утро, Дмитрий Сергеевич, — говорю бодро. — Я же в прошлом году обещал, что вернусь.

— Все вы обещаете, — добродушно ворчит он, покачивая седой головой. — А в итоге мы недосчитались человек десять.

— Знали же, что я вас не подведу.

— Знал, сынок, — отвечает он неожиданно мягко, и в этот момент мне кажется, что глаза у него начинают подозрительно поблескивать. — Ну да ладно. Время поговорить у нас еще будет.

Засуетившись, чтобы скрыть неожиданную сентиментальность, Панин указывает мне на стул и передает прозрачный файл с бумагами.

— Процедуру оформления ты знаешь, — деловито говорит он, потирая ладони. — Ничего не изменилось. Договор прочтешь и подпишешь, медсестре справку передашь и можешь отдыхать до десяти. У тебя четвертый отряд. Мальчишки тринадцати-пятнадцати лет.

— Четвертый? — вскинув брови, переспрашиваю я, не сомневаясь, что ослышался. — А с первым что?

— А первый в этом году у девочек, — криво усмехается Панин.

— Но первый всегда был у меня! — растерянно бормочу я.

— Надо было раньше приезжать, чтобы отряд забрать. Сейчас уже все распределили.

От неожиданности я не сразу нахожусь что ответить. Тупо смотрю на директора, а сам пытаюсь сложить в голове картину вероломного рейдерского захвата моего отряда. Кто еще мог притащиться сюда в такую рань? Незнакомых машин на парковке я что-то не заметил.

— Дмитрий Сергеевич, — начинаю я, даже не пытаюсь скрыть недовольство, — Литвинов первый забрал?

С Мишей Литвиновым у нас долгая и бурная история соперничества, так что я не удивлюсь, если это он обработал Панина и присвоил себе первый номер.

— Не Литвинов. Он в этом году вообще не приехал, — отмахивается старик, словно не видит в случившемся ничего особенного. — Твои домики те, что справа, с зелеными флагами, — продолжает он, протягивая мне связку ключей, и, предвосхищая мой следующий вопрос, добавляет: — Красные у первого.

От досады у меня даже зубы сводит. Узнаю, что за мудака забрал мой отряд и мои домики, в которых я собственноручно кровати в прошлом году чинил и красил пол, — закопаю. Эту подставу я воспринимаю как личное оскорбление и никому ее не спущу. Литвинов это или нет, меня сейчас мало заботит.

— Кто... — начинаю воинственно, но мой вопрос захлебывается в скрипящем звуке открывающейся входной две-

ри. Несмотря на раздражение, мысленно делаю себе пометку, что на досуге нужно будет смазать здесь петли.

— Лерочка! — восклицает Дмитрий Сергеевич и на моих глазах расплывается в такой широкой улыбке, что кажется, его морщинистое лицо сейчас треснет.

С любопытством поворачиваю голову и едва сдерживаю за зубами крепкое ругательство.

На пороге кабинета стоит миниатюрная блондинка в модном спортивном костюме: яркая куртка повязана вокруг тонкой талии, футболка обтягивает аппетитную двойку с рельефно проступающими сквозь эластичную ткань сосками, а мешковатые штаны игриво сползли на бедра, подчеркивая природную хрупкость фигуры.

С трудом сглатываю, ощущая тугое движение кадыка под кожей, и впиваюсь взглядом в лицо девчонки, на котором застыло комичное выражение испуга, неверия и странной обреченности. Добро пожаловать в мой клуб, стерва, потому что я испытываю то же самое. Разве что вместо испуга у меня — слепая ярость.

Переборов первый шок, я встаю со стула. Не потому, что во мне говорит хорошее воспитание, а потому, что так я смогу смотреть на девчонку сверху вниз, даже не пытаюсь скрыть презрения, которое я к ней испытываю.

Из всех мест, из всех людей... Сука. Ну, почему сейчас?

— Извините, дядя Дима, я не знала, что вы заняты, — нервно теребя узел на куртке, произносит блондинка.

— Не переживай, Лера, — добродушно ворчит Панин, не замечая возникшего в помещении высоковольтного напряжения. — Подходи, познакомлю тебя с твоим, так сказать, коллегой.

Девчонка делает неуверенный шаг вперед. Вижу, как отчаянно она старается сохранить невозмутимость, но ее выдают бледность, которая стремительно покрывает щеки, и растерянность в глазах удивительного фиалкового оттенка.

— Кирилл, это моя племянница Валерия Александрова. Она в этом году будет с нами работать. — Дмитрий Сергеевич бережно обнимает блондинку за плечи. — Ей достался первый отряд.

— Здравствуй, Кирилл, — произносит она, сially улыбнуться, но я отчетливо ощущаю скрытую нервозность, которая заставляет ее голос звучать преувеличенно бодро. — Приятно познакомиться.

— Ну что ты, Лерочка, — говорю едко, передразнивая ласковое обращение Панина, и совершенно осознанно отвергаю ее отчаянную попытку притвориться, что мы друг друга впервые видим. — Не помнишь меня разве?

Она сглатывает. В выразительных глазах зажигается огонек паники. Это хорошо. Я хочу, чтобы она паниковала. Я хочу, чтобы она помнила, что я все про нее знаю. И чтобы боялась.

— Так вы знаете друг друга? — удивляется Дмитрий Сергеевич.

— Екатеринбург — большая деревня, — подтверждаю я, с мстительным удовольствием отмечая, как бледность щек Александровой сменяется жгучим румянцем. — Лера с моим лучшим другом встречалась.

— А, ну это дело молодое! — замечает директор, с нескрываемой нежностью разглядывая племянницу. — Раз вы уже знакомы, проблем не будет. Кирилл, я рассчитываю, что ты присмотришь за Лерой и поможешь ей войти в курс дела.

— Будьте в этом уверены, Дмитрий Сергеевич, — обещаю я с улыбкой, больше напоминающей звериный оскал. — С нетерпением жду возможности присмотреть за ней. Пойду устраиваться.

Пока я не наговорил ничего лишнего, хватаю ключи со стола и стремительно выхожу из кабинета, ощущая, как в груди бешено скачет сердце. Вот тебе и родная «Синичка». Двадцать два года прожил, а такой подставы ждал от кого угодно, но только не от нее.

Глава 2

К обеду начинают приезжать ребята из списка моего отряда, и я с удовлетворением отмечаю среди них несколько знакомых лиц. Не знаю, откуда взялась эта сентиментальность, но по непонятной причине мне приятно, что новое поколение возвращается в «Синичку» точно так же, как в свое время делал я.

Встретив первую группу мальчишек, веду их к нашему домику с развевающимся на крыше зеленым флагом и неказистой цифрой четыре на двери. Новенькие не находят в этом ничего особенного, сразу помечая чемоданами территорию, но парочка второгодок с пренебрежением оглядывает наше новое жилище, недоумевая, почему мы здесь оказались. Один из них, москвич Сеня, на полном серьезе спрашивает у меня, почему мы здесь и когда планируем возвращать себе первый номер и удобные кровати. Усмехнувшись, я лишь качаю головой:

— Прости, приятель, на этот вопрос у меня самого нет ответа.

Заезд затягивается, поэтому я до самого вечера занимаюсь организационными вопросами, перемещаясь от парковки и административного здания к домику и обратно. Прибывшие мальчишки остаются на попечении Матвея Волкова, моего напарника-вожатого, но я обещаю им, что позже мы обязательно обсудим ситуацию с отрядами

и найдем приемлемое решение. Я пока сам не понимаю, стоит ли ввязываться в интеллектуальное сражение с девчонками, но в истории «Синички» были подобные прецеденты, поэтому сразу отметить единственную возможность восстановить справедливость я не готов. К тому же от одной мысли, что на кровати, на которой я спал все эти годы, ночью может оказаться Александрова, меня начинает потряхивать от возмущения. Этой стерве там не место!

Несмотря на сумбурный день, в «Синичке» все идет по давно заведенному плану. После полдника и короткой экскурсии по лагерю отряды собираются на фестивальной площади: по традиции в первый вечер смены здесь разжигают костры, жарят сосиски и поют песни под гитару. Для вожатых это хорошая возможность создать нужную атмосферу в коллективе, для ребят — познакомиться друг с другом и, особенно для новеньких, снять стресс.

Стоит огню разгореться, распределяю своих парней по задачам — собрать еще веток для поддержания костра, завернуть сырую картошку в фольгу или раздобыть у завхоза пледы на случай похолодания, а сам усаживаюсь на поваленное бревно и наблюдаю за процессом. К моему неудовольствию, взгляд то и дело цепляется за первый отряд: там Александрова, которую едва можно отличить от девочек-школьниц, бойко руководит своими подопечными, успевая при этом трепаться с уже знакомой мне вожатой. Лариса, кажется. Года два назад она бесстыдно ко мне клеилась, хотя у меня в тот момент в Москве была постоянная подруга, наличие которой я не держал в секрете.

— Приметил кого-то из цыпочек? — Матвей неуклюже толкает меня в бок и устраивается рядом на бревне. — Новенькая блондиночка из первого очень даже ничего. Перекинулся с ней парой слов — сдается мне, она захочет поразвлечься.

— Неинтересно, — отрезаю я равнодушно, не допуская никакой двусмысленности. — А ты бы хоть до завтра подождал, прежде чем девиц клеить.

Я знаю Матвея несколько лет, он хороший парень, но неисправимый бабник. Смена без страстной интрижки для него — время, которое прожито зря. Мне, разумеется, глубоко наплевать, если Александрова станет его очередной пассией, но парня жалко. Эта ведьма пройдет по нему катком для укладки асфальта и даже не обернется. С моим другом из Еката именно так и произошло, а я не настолько альтруист, чтобы второй раз вытирать кому-то сопли и слушать депрессивный бред о неразделенной любви к белокурой стерве с желтой ленточкой в волосах.

— Ноги у нее какие, — не унимается Матвей, звонко кокая языком. — И задница. Нет, ты вообще видел?

«Был бы рад выколоть себе глаза, чтобы не видеть», — думаю мрачно и с облегчением выдыхаю, когда на горизонте появляется Нина Петровна, бессменный повар «Синички», и у меня возникает отличный предлог избавиться от продолжения тупиковой беседы.

— Первый... — Черт. — Четвертый отряд! — рывкаю я, громко хлопнув в ладоши. — Мне нужно пять человек, чтобы помочь с едой.

В компании добровольцев я встречаю Нину Петровну и забираю у нее тележку с сосисками и свежим хлебом. Выслушав четкие инструкции повара, мальчишки отправляются разносить подносы с провизией по отрядам, а я, убедившись, что Матвей нашел себе занятие у костра, возвращаюсь к своему месту на бревне.

Секунд двадцать мой взгляд бесцельно блуждает по площади, пока не цепляется за шумную компанию метрах в двадцати от моего наблюдательного пункта. В толпе три девочки-вожатые из первого отряда, включая Александрову, и незнакомый мне долговязый парень, возможно, тоже один из новеньких. Они что-то живо обсуждают, время

от времени взрываясь хохотом, а я с несвойственным мне старческим раздражением думаю, что лучше бы они следили за своей ребятней, чем трепались.

Мое внимание фокусируется на Александровой. Если бы я мог, то представил бы, что ее не существует, но это непозволительная роскошь: своего врага нужно знать в лицо, поэтому сквозь летящие в разные стороны искры от костра я сканирую ее взглядом. Тоненькая фигура с женственными округлостями в положенных местах, длинные стройные ноги, блестящие волосы, свободно струящиеся по плечам, — вынужден признать, что за те несколько лет, что мы не виделись, стерва стала еще привлекательнее. Неудивительно даже, что у Матвея на нее рефлекс как у собаки Павлова.

Вечереет. Над площадью зажигаются фонари, а на ногах Александровой вспыхивают неонем модные кроссовки. Это все светящаяся отделка, и мне просто больше некуда смотреть — только поэтому я замечаю на аккуратной коленке свежую ссадину с уже запекшейся кровью. Глупость какая-то, но я надеюсь, девице хватило ума продезинфицировать рану. Потому что всякое бывает, а возиться с ее болячками, когда в лагере сотня детей, с каждым из которых в любое время может что-то произойти, нашей медсестре ни к чему.

— Кир, ты идешь? — внезапный окрик Волкова заставляет меня оторваться от созерцания стройных ног.

Чувствую себя пойманным на месте преступления, но приятель, кажется, даже не замечает моего постыдного интереса. Я встаю с насиженного места и иду к ребятам, которые уже похватили с подноса сосиски и теперь умело насаживают их на заточенные палочки.

— Всем хватило? — оглядываю своих сорванцов, которые гипнотизируют подгорающие бока сосисок, и подкидываю в огонь пару сухих бревен. — Тогда предлагаю познакомиться. С кем-то из вас мы уже пообщались, кто-то

знает меня не первый год, но повторю еще раз для всех — меня зовут Кирилл, я старший вожатый этого отряда. По любым вопросам можете обращаться ко мне, Матвеем или Павлу — он приедет завтра. На время смены мы ваши мамы, папы и старшие братья. Вас обижают — идете к одному из нас. Вам плохо — идете к одному из нас. У вас что-то украли — идете к одному из нас. Территорию лагеря покидать строго запрещено. Говорят, в лесу есть медведи, и в это время года они как раз голодные — не искушайте судьбу. Если гормоны играют, девочек клеить можно, ухаживать, на медляки приглашать, песни петь, стихи писать тоже. Все остальное — нельзя. Так что держите себя в руках. Мы друг друга понимаем?

Вялый хор «да» проносится по нестройным рядам пацанов.

— Еще раз — мы друг друга понимаем?

Добившись удовлетворительного ответа, я сажусь обратно на бревно, уступая роль оратора Матвеем, который объясняет особенности распорядка дня в «Синичке» и дает новеньким несколько советов ориентирования на местности. Потом по очереди встают ребята: называют имена и родные города и кратко перечисляют список увлечений. Послушать их, так у нас вся карта России в сборе, а из активных спортсменов можно собрать дворовую команду по футболу.

Когда с переключкой покончено, я беру в руки гитару. В детстве ненавидел ходить в музыкальную школу, а теперь благодарен отцу за то, что в свое время не дал мне бросить. Сейчас гитара — моя отдушина. Побренчать после паршивого дня в банке — отличный способ снять напряжение.

Чем дальше перебираю струны, тем теснее становится у нашего костра — после нескольких баллад к нам активно подтягиваются другие отряды. Первый тоже. Парочка мальчишек из моего выводка уступают свои места на брев-

нах краснеющим школьницам — отмечаю для себя, что за этими джентльменами в будущем нужно следить особенно внимательно. Александрова с Ларисой и новенькой вожакой, чье имя я пока не знаю, тоже пришли — расстилают плед неподалеку и берут на него девчушек, которым не достались места у огня.

Я, глядя на все это, испытываю странную нервозность и даже злость — наверное, это отголоски эмоций, вызванных поступками стервы в прошлом. Логически я могу себе это объяснить, но на уровне чувств меня бесит, что спустя все это время она оказывает на меня такое разрушительное воздействие. Я был бы рад, если бы мой разум объявил ей тотальный игнор, вместо того чтобы подкидываться всякий раз, когда она появляется в радиусе пятидесяти метров.

Внезапно наши с ней взгляды встречаются над потрескивающим огнем. Александрова застывает, ее огромные глаза, в которых отражаются танцующие язычки пламени, распахиваются сильнее, но длится это лишь мгновение — она поспешно отворачивается и натянуто улыбается кому-то в стороне.

В раздражении передаю гитару пятнадцатилетнему парнишке, который давно рвется в бой, а сам присаживаюсь на корточки, чтобы зарыть в тлеющие угли картошку.

— Привет. — Подчеркнуто томный голос над ухом заставляет меня поморщиться.

— Здравствуй, Лариса, — отвечаю сухо, без интереса разглядывая голые ноги с толстоватыми щиколотками, перехваченными блестящими ремешками сандалий.

— Как официально, Кир. — Она жеманно хихикает. — Не первый же год знакомы.

— Угу, — говорю сдержанно, надеясь, что она без слов все поймет и отвяжется.

— Извини, что с отрядами так получилось, — продолжает девица чуть заискивающе. — Лера новенькая, она не знала, что для тебя это принципиальный вопрос.

— Забыли уже, — отмахиваюсь я, поднимаясь на ноги. — Первый или четвертый, все равно по очкам мы вас в финале смены сделаем.

— Кого ты собрался сделать в финале смены? — раздастся возмущенный голос за моей спиной.

Медленно оборачиваюсь, ловя на себе пылающий взгляд цвета фиалок. Александрова. Ростом едва мне до плеча достает, а ведет себя так, словно собралась со мной драться.

— Вот тебя персонально и сделаю, — бросаю насмешливо.

— Хочешь пари? — Она воинственно вздергивает подбородок и складывает руки на груди, неосознанно привлекающая мое внимание к этой выдающейся части своего тела.

— Не спорю с лгуньями.

Она явно не ожидала от меня этого удара, но все же, надо отдать ей должное, не отступает. Злится. Я вижу это по тому, как сверкают ее глаза, как тяжело вздымается грудь, а спина выпрямляется, словно Александрова стремится стать чуточку выше, чтобы не смотреть на меня снизу вверх. Ни дать ни взять — амазонка в миниатюре.

— Ты ничего обо мне не знаешь, — бросает она запальчиво, но в голосе отчетливо слышна дрожь.

— У тебя проблемы с памятью? — спрашиваю безжалостно. — Вадика ты тоже забыла? Могу напомнить и тебе, и окружающим.

Щеки Александровой резко теряют все краски, а я понимаю, что наш разговор начинает привлекать повышенное внимание ребят вокруг. Лариса вообще от изумления рот открыла. Зная, какая она сплетница, я должен завязывать с этим увлекательным экскурсом в прошлое, и как можно скорее.

— Значит, хочешь пари? — уже спокойнее уточняю я, окидывая Александрову с ног до головы медленным, подчеркнуто скучающим взглядом.

Ей следовало бы дважды подумать, прежде чем бросаться подобными предложениями. Вызов для меня — дело принципа. Вызов от нее — дело чести.

— Спорим, что к концу смены мой отряд будет опережать твой минимум на десять очков? — спрашиваю я, протягивая ей руку.

— Спорим, — отвечает она, смело шагая вперед и вкладывая свою ладонь в мою.

Ее рука прохладная, мягкая и маленькая, она тонет в моей ладони, но рукопожатие получается на удивление крепким. Ловлю ее взгляд, в котором мерцают искорки, не то отблески костра, не то ее собственного внутреннего огня, и чуть сильнее, чем позволяют приличия, сжимаю ее пальцы.

— Что получает победитель? — Голос Александровой звучит неожиданно глухо, и она поспешно отдергивает руку, пряча ее за спиной.

— А что ты можешь предложить? — насмешливо интересуюсь я, демонстративно задерживаясь взглядом на ее сочной груди, прежде чем вернуться к лицу.

Даже в полумраке замечаю, как от смущения вспыхивают ее щеки.

— Облегчу тебе задачу, — говорю уже серьезно. — Если мы выиграем, на все последующие смены я забираю первый отряд и красные домики. Так что советую тебе держать чемоданы собранными.

— А если выиграем мы? — Она самоуверенно вскидывает брови.

— Если выиграете вы... — Я выдерживаю паузу и подаю вперед, чтобы следующую фразу прошептать ей на ухо: — Если выиграете вы, я исполню любое твое желание.

Глава 3

Следующим утром я просыпаюсь на рассвете, чувствуя себя так, словно ночь провел в роли груши для битья. Не зря я не хотел жить в зеленых домиках — кровати здесь созданы каким-то извергом, ненавидящим человечество. К тому же в полночь меня разбудил прибывший Паша Степанов — третий вожатый из нашей банды. Матерясь в темноте, он, не раздеваясь, плюхнулся на соседнюю кровать, а потом всю ночь устраивал соревнование по храпу с Матвеем. Удивительно, что в такой компании я вообще умудрился поспать.

Откинув одеяло, я встаю на ноги и иду в туалет. Умываюсь, стараясь не шуметь, переодеваюсь в спортивный костюм и достаю из сумки кроссовки. В городе я почти не бегаю, но стоит мне приехать в «Синичку», утренние пробежки становятся для меня чем-то вроде ритуала. Прежде чем покинуть домик, заглядываю в спальни к ребятам. Убедившись, что все на своих койках и крепко спят, выхожу на улицу, предвкушая отличную пробежку.

Мой маршрут, которому я редко изменял за годы в лагере, пролегает вдоль уличного кинотеатра и столовой через служебный КПП в лес. Обычно я бегу по пешеходной тропе, которой вожу ребят на озеро, потом ныряю в густые заросли дикой ежевики и, ускорившись, через пять-шесть минут оказываюсь на берегу с противоположной стороны

водоема. В жару я часто здесь купаюсь, но сейчас самое начало июня, и по утрам в предгорье еще довольно прохладно, поэтому сегодня я намерен ограничиться физическими упражнениями на суше.

Территорию «Синички» я по привычке покидаю под громкие басы в наушниках, но уже через минуту понимаю, что они ни к чему. Шепчущий шум листвы, звонкий щебет птиц, хруст сухих веток под ногами — вокруг меня именно то, о чем я мечтал днями и ночами в городе. Глупо портить все это музыкой, даже любимой.

Не прерывая бега, убираю наушники в карман. Выдерживаю ритм, позволяю себе короткие ускорения и небольшие передышки и дальнего берега озера достигаю уже через пятнадцать минут. Здесь делаю первую остановку. Хватая ртом воздух, впитываю в себя совершенство момента: буйную зелень с каплями росы, мелкую рябь воды, легкую дымку, стелящуюся над озером. Хочу спуститься ниже к пляжу, но вдруг замечаю маленькую фигуру в мешковатой толстовке с капюшоном, выскочившую из зарослей можжевельника.

Первая мысль, от которой в кровь прыскает адреналин, — кто-то из ребят умудрился сбежать из «Синички», миновав охрану, но через секунду капюшон, скрывающий от меня личность беглеца, спадает, и под ним оказываются копна белокурых волос, перехваченных желтой лентой, и знакомое лицо, которое я бы предпочел никогда больше не видеть.

Желудок судорожно сжимается, а в груди становится тесно, словно легкие распухли, не оставив шанса нормально дышать. Твою мать, что Александрова забыла здесь в такую рань?

Пока я ищу ответ на вопрос, девчонка резво сбрасывает с ног кроссовки, потом стягивает толстовку и спускает легинсы, ловко переступая через них босыми ногами. Не успеваю отойти от первого шока, как она избавляется от яркого топа, который через мгновение падает на землю,

и, если не считать паутинки низких желтых трусов, оказывается полностью обнаженной.

Твою мать, я сплю еще, что ли?

От сцены, которая разворачивается перед моими глазами, в штанах становится тесно, а на спине выступает испарина. Я отдаю себе отчет, что мне надо сваливать, но какая-то непреодолимая сила удерживает меня на месте, не позволяя отвести взгляд от Александровой.

Сука. Сука. Сука.

Я всегда знал, что она хороша, но только сейчас понимаю — насколько. Стройная, женственная, с тонкой талией, высокой грудью и округлыми бедрами... Меня сложно назвать новичком в изучении женского тела, красивых девчонок я знал предостаточно, но даже я вынужден признать, что она заслуживает твердую пятерку по всем пунктам. Чертова ведьма.

Пока я жадно смакую ее наготу, Александрова по щиколотку заходит в воду. Дура. На улице холодно и ветрено — если она не подхватит воспаление легких от купания в ледяном озере, то наверняка сделает это, пока будет возвращаться в лагерь. Уповаю на ее благоразумие, но она предсказуемо не оправдывает моих ожиданий: одно короткое мгновение на передышку, и она с разбега ныряет в озеро.

Дыхание застревает у меня в горле. Я едва сдерживаюсь, чтобы не выйти из своего укрытия и не заставить девчонку вернуться на берег, но вовремя напоминаю себе, что Лера Александрова — не моего ума дело. Она может купаться в озере, прыгать с тарзанки и переспать с половиной лагеря — меня это совершенно не касается. Самое разумное сейчас — это уйти, не пытаюсь вытащить ее из озера, и вычеркнуть любые воспоминания об этом инциденте из памяти.

Резкий порыв ветра заставляет меня поежиться от дискомфорта. Интересно, каково ей в воде? Предательское воображение тут же подсовывает мне провокационную картинку, от которой низ живота наполняется горячей тяжестью:

словно наяву вижу, как от холода ее гладкая кожа покрывается мурашками, а соски соблазнительно напрягаются.

Твою. Сука. Мать.

В этот момент я почти себя ненавижу. Пускать слюни на Александрову после того, как она обошлась с Вадиком, — это просто дно. А я верю в мужское братство и кодекс дружбы, как бы напыщенно это ни звучало. Бывшие пассии друзей — это табу, не имеющее давности лет, даже если есть мало вещей на свете, которые здесь и сейчас привлекали бы меня больше, чем возможность вытрахать из стервы всю дурь.

С трудом отвожу взгляд от озера, где умиротворенно плещется обнаженная русалка, и глубоко дышу носом, пытаюсь вернуть утраченное самообладание. Честное слово, веду себя как мальчишка в пору полового созревания. Наверное, это сказывается длительное отсутствие секса: с Дианой я расстался два месяца назад, и в моей жизни за это время вряд ли было что-то, кроме нудной дневной работы в офисе и игры на бирже по вечерам. Дурак, надо было перед поездкой в лагерь снять кого-нибудь для взаимного удовольствия, чтобы теперь не было так мучительно больно, особенно в перспективе провести два месяца в роли наблюдателя за интрижкой Александровой и Матвея или любого другого лопуха, которого она сможет одурачить.

Запрещаю себе смотреть в сторону озера, я отступаю. Откуда-то возникает паршивое ощущение побега с поля боя, но я не позволяю ему взять над собой верх. Нет ничего зазорного в том, чтобы уйти, не дав о себе знать: стерва и я не друзья, чтобы наши отношения можно было рассматривать в контексте правил приличия.

Когда я возвращаюсь в лагерь, Матвей и Паша уже на ногах, будят отряд. Обменявшись приветствиями, я торопливо иду переодеваться — сегодня моя очередь вести ребят на зарядку, а к обязанностям вожатого я отношусь крайне серьезно.

На стадион «Синички» мы с мальчишками приходим одними из первых. Быстрее нас оказываются только смешанный отряд малышей из восьмого отряда и девочки из первого. К полному изумлению, в пестрой толпе замечаю Александрову. Обтягивающие легинсы она сменила на короткие шорты, подчеркивающие длину ее ног, а вот бесформенная толстовка на ней все та же, что и на озере. Заставляет меня задуматься, надела ли она нижнее белье или под плотной тканью она как Ева в райском саду.

Совсем крыша у меня поехала.

Пока на площадку подтягиваются остальные отряды, наш физкультурник Ваня, который параллельно выполняет функции трудовика, спасателя и диджея на дискотеках, свистит в раритетный свисток и жестами призывает всех построиться. Передав ему ребят, я отхожу в сторону и, присев на лавочку, отстраненно наблюдаю за зарядкой. У меня нет никакой конкретной цели, но глаза сами собой находят в ровных рядах Александрову.

Подумать только, как она старается! Наклоняется так, что толстовка натягивается на груди, почти не оставляя у меня сомнений, что стерва даже не удосужилась надеть лифчик. Повторяя за Ваней, она грациозно тянется вбок, отчего толстовка задирается, открывая полоску обнаженной кожи, а я чувствую неожиданно острый всплеск возбуждения.

— Ты на грудь новенькой, что ли, пялишься? — на лавку рядом со мной с шумом опускается Матвей.

— Отвали, — отвечаю грубо.

— А говорил, неинтересно, — не унимается засрапец. — Не осуждаю тебя — сиськи что надо.

— Заткнись, а? — недовольно скалю зубы. — Пофиг мне на новенькую и ее сиськи.

— Ну, раз так, — давится смешком Волков, — тогда я посмотрю. Мне-то совсем не пофиг.

Не пофиг тут не только Матвею. Культурист Ваня тоже из штанов готов выпрыгнуть, чтобы впечатлить вожатых

женского пола. В принципе это его обычное состояние, но Александровой он явно уделяет особое внимание. Вон даже тянуться помогает, нахально лапая за спину и руки.

Сука.

— Отряд в столовую сам веди, — резко бросаю Волкову, вскакивая с лавочки. — У меня дела.

Как же. Дела. Холодный душ. И желательнее еще одна пробежка, чтобы не наделать глупостей. Например, не врезать Ване по его смазливой роже. Руки у меня давно чешутся, еще с прошлого года, и Александрова здесь совершенно ни при чем.

Глава 4

Расписание каждого нового сезона в «Синичке» из года в год почти не меняется. Поэтому я точно знаю, что на следующий день после посиделок у костра пройдет масштабный творческий вечер, на котором ребята будут придумывать название и девиз отряда и рисовать флаг смены. Мероприятие обычно проводят на стадионе. Как правило, мы выносим ватманы, краски, ножницы, цветную бумагу и карандаши, включаем музыку, приносим из столовой напитки и свежие булочки — создаем максимально классную атмосферу, располагающую к креативу.

У меня с творчеством не очень, я больше по точным наукам, поэтому моими ребятами руководят Матвей и Паша. Я же тут в роли разнорабочего — помогаю Нине Петровне приносить ящики с провизией, расставляю столы и вкручиваю в перегоревшие гирлянды новые лампочки.

Все этим вечером идет хорошо, замечательно даже. Ровно до того момента, пока каким-то шестым чувством я не ощущаю присутствие в радиусе пятидесяти метров Александровой.

Не поворачивая головы, боковым зрением слежу, как она на стройных ногах подплывает к Матвею и Паше: лучезарно им улыбается, что-то говорит, мелодично смеется, небрежным жестом откидывая за спину каскад белокурых волос. Стерва. Обаяние включила на полную — неувиди-

тельно, что у моих приятелей глаза на лоб лезут, а с лиц исчез даже намек на интеллект. Мальчишки из отряда, особенно те, что постарше, тоже поддались гипнотическому воздействию вожатой из первого: про свои поделки и картонки забыли и таращат глаза на Александрову, словно никогда не видели красивых девок с данными топ-модели. Мне их жаль. Всех. Если бы они знали ее сучью сущность, никогда бы не стали обглаживать ее взглядами. Впрочем, кого я обманываю: на озере меня это не остановило.

Сука.

Нахмурившись, лезу под стол за ящиком с инструментами. Раз тут все готово, пойду забор возле столовой приколочу — все что угодно, только бы не смотреть на этот выездной фан-клуб имени Леры Александровой. Уму непостижимо, как она одним присутствием умудряется отравлять мне жизнь.

Пока роюсь в ящике, внутри меня все кипит и клокочет. Отец говорил, что в такие моменты необходимо сосредоточиться на физической активности. Что ж, раздраженно отбрасывая в сторону отвертки и плоскогубцы, я представляю, с каким удовольствием буду загонять металлические шляпки гвоздей в деревяшки.

— Если хочешь, можем отказаться от пари, — раздаётся над ухом мелодичный голос с приятной хрипотцой.

Я едва не подпрыгиваю от неожиданности, с отвращением отмечая, что короткие волоски на моей шее становятся дыбом, а к паху стремительно приливает кровь. Ну, какого черта она так на меня действует? Лучше бы на Ларису повелся, честное слово. Пользы от этого точно было бы больше.

— С чего ты решила, что я этого хочу? — резко уточняю я, даже не поворачивая к Александровой головы.

— Сегодня только ленивый не попытался объяснить мне, как вероломно я поступила, забрав себе первый отряд, — с дружелюбной иронией признается девчонка. —

Я не знала, что в этом лагере цифры играют какую-то особую роль. Поэтому, если для тебя это действительно важно, можем поменяться.

Я в этот момент как раз сгребаю в кулак подходящие по размеру гвозди, поэтому делаю вид, что не расслышал слова Александровой. К тому же они бьют по больному — мне действительно не все равно, а с первым отрядом меня связывает куда большее, чем цифра.

— Ты что-то вроде легенды этого места, — не унимается она, приближаясь еще на пару шагов так, что теперь в поле моего периферийного зрения оказываются ее голые ноги, а в ноздри врывается едва уловимый запах мяты и мандаринов. Если не ошибаюсь, эти духи у нее еще со школы, потому что именно после знакомства с Александровой меня начало воротить и от цитрусовых, и от ни в чем не повинной мяты. — Правда, что ты приезжал сюда каждый год с одиннадцати лет?

— Правда, — отвечаю коротко, не давая стерве даже шанса подумать, что меня увлекает этот разговор.

Пусть идет лесом со своим махровым любопытством и со своим предложением. Благотворительность от нее я не приму — мне куда приятнее будет в конце смены вытолкать ее аппетитную задницу за дверь красного домика и занять свою кровать на все оставшееся лето.

— Так что с пари? — переступая с ноги на ногу, спрашивает она.

Волнуется, что ли, не пойму? Если так — замечательно. Из-за нее я лишил весь лагерь холодной воды минимум на сутки, так что ее нервозность станет мне достойной моральной компенсацией за час в ледяном душе.

— Все в силе, — поднимаясь на ноги, подчеркнуто равнодушно бросаю я. — Вместо того чтобы так быстро выкидывать белый флаг, лучше бы подумала, как собираешься зарабатывать очки со своим отрядом. С другой стороны, если ты боишься проиграть...

— Я не боюсь проиграть! — возмущенно восклицает она. — Я просто хотела...

— Ты хотела разжалобить меня своим предложением? — подсказываю я с мрачной иронией, разглядывая жменьку гвоздей в ладони. — Мне неинтересно.

На несколько секунд между нами повисает вязкая тишина, в которой слышны только ее прерывистое дыхание и тяжелый стук моего сердца, отдающийся в барабанных перепонках.

— Я тебе не нравлюсь, — вдруг говорит Александрова тихо. — Никогда не нравилась.

Ее слова застают меня врасплох. От неожиданности я даже забываю о намерении игнорировать стерву и поднимаю голову, чтобы взглянуть ей в лицо. Это моя принципиальная ошибка.

В организм будто впрыскивают лошадиную дозу гена бешенства. Сердце тарыхтит на каких-то запредельных скоростях, ладони потеют, а взгляд совершенно выходит из-под контроля и, как голодный бульдог, бегаёт вверх и вниз по девичьему телу — мог бы, вылизал каждый сантиметр голой кожи, которую открывает неприлично короткое платье с таким же неприличным квадратным вырезом на груди.

— А ты хочешь мне нравиться?

Она дергается, словно я ее ударил, на округлых щеках проступает яркий румянец, а черные зрачки почти полностью скрывают фиолетовую радужку, но Александрова не отступает, продолжая упрямо смотреть мне в глаза.

Черт-те что, но в этот момент она кажется мне почти уязвимой.

— Я привыкла, что нравлюсь людям, — произносит она ровно, кончиком розового языка облизывая нижнюю губу.

— Возможно, эти люди просто недостаточно хорошо тебя знают, — парирую я, пытаюсь подавить в себе голодного зверя, который усмотрел в ее действии сексуальный намек. — А я таких как ты на дух не переношу.

— Таких как я? — возмущенно шипит она, порывисто вздыхая. — Да что ты вообще обо мне знаешь? Ты никогда не интересовался...

— Ты была девушкой моего лучшего друга, поэтому я знаю достаточно, — напоминаю холодно и демонстративно наклоняюсь, чтобы достать молоток. — Не стоит тебе тестировать свои актерские таланты на мне, прикидываясь невинной овечкой. Это пустая трата и твоего, и моего времени. Мы с тобой заключили пари. У меня нет никакого желания отказываться от него, потому что ничто не доставит мне большего удовольствия, чем твое разгромное поражение. Извини, у меня много дел.

Гвозди впиваются в потную ладонь, пальцы другой руки судорожно сжимают деревянную рукоятку молотка, пока я быстрым шагом несусь вон со стадиона. Плевать, как это выглядит со стороны. Пока я не уйму свое разыгравшееся либидо, от Александровой мне лучше держаться подальше. На кону, черт возьми, моя репутация.

Глава 5

— Это видите? — спрашиваю с нажимом и кивком указываю на стеллаж позади меня, уставленный золотыми кубками с эмблемой «Синички». — Это место славы нашего отряда. Он может называться первым или, как в этой смене, четвертым, неизменным остается то, что мы побеждаем. За последние четыре года мы упустили Кубок лагеря лишь однажды с минимальным отставанием. Услышьте меня: один раз из двадцати четырех. В этот раз тоже своего не отдадим. Согласны?

В ответ на мою речь, призванную вдохновить на борьбу за первые очки в сезоне, мальчишки дружно кивают.

— Это значит, что мы должны соблюдать три основных принципа: дисциплина, активность и эрудиция, — продолжаю я нравоучительно, расхаживая взад и вперед по деревянному полу актового зала. — За каждый успех совет лагеря будет начислять очки. За прокол — снимать их. К концу вашей смены в итоговой гонке победит лишь один отряд. Сегодня начинается настоящая игра. Соберитесь, парни! Я в вас верю.

Чтобы завести свою преданную публику, я хлопаю в ладоши и получаю в ответ шквал аплодисментов. Честное слово, Тони Роббинс обзавидовался бы такой отдаче. Я же просто скромно надеюсь, что моего вдохновляющего спича будет достаточно, чтобы начать погоню за красным доми-

ком и принципиальной победой над Александровой с позитивной ноты.

— Если все готовы, предлагаю выдвигаться, — вмешивается Матвей, демонстративно поглядывая на часы. — За опоздание можем нарваться на штрафной балл.

— Да, ребята, пора, — соглашаюсь с напарником, направляясь к выходу из актового зала. — Да пребудет с нами сила.

На сегодняшний вечер запланирована дебютная игра в серии «Что? Где? Когда?». Пару часов назад мы сформировали команду из восьми человек и теперь вместе с группой поддержки идем на поляну, где состоится интеллектуальная схватка. В нашей возрастной лиге принимают участие четыре отряда: первый, четвертый, седьмой и тринадцатый. Победителя и призеров определяют десять вопросов, они же решат судьбу первых разыгранных в смене очков.

Когда мы подходим к поляне, седьмой и тринадцатый отряды уже сидят за круглыми столами в ожидании начала игры. Пока моя команда занимает свои места, подтягиваются девчонки из первого отряда. С ними Лариса и новенькая вожатая Катя, с которой Паша познакомил меня накануне. Просканировав взглядом пеструю толпу девчонок-подростков, убеждаюсь, что Александрова не пришла. Интересно... почему? Первая игра сезона — важный этап для каждой смены. Что за дела у нее такие, что она оставила своих девчат на Ларису, которую больше заботит цвет лака на ногтях, чем ее подопечные?

Одергиваю себя. Я, возможно, несправедлив к Ларисе, но бесит меня другое: почему меня вообще заботит, где пропадает Александрова? Нет ее — и славно. Никто не будет отвлекать и раздражать, а значит, у меня останется больше энергии для поддержки моих пацанов.

Как только капитаны команд пожимают друг другу руки и расслаживаются по местам, ведущий, бессменный массовик-затейник Ваня, подает звуковой сигнал к началу игры.

Первый вопрос по геометрии остается за нами. Парни включают голову и быстро находят правильный ответ, вызывая во мне взрыв неконтролируемой гордости. Вторую задачку первыми решают девочки из тринадцатого отряда. Третий раунд снова берем мы. Довольно потираю руки, предчувствуя легкую победу и первую десятку очков, но тут замечаю Александрову, которая с хмурым видом идет к поляне.

На ней кремовый топ, открывающий живот, и узкие джинсы, идеально сидящие на бедрах. Белокурые волосы забраны в высокий хвост, открывающий тонкую шею, на которой поблескивает золотая цепочка. Впервые с момента нашей неожиданной встречи в «Синичке» она сознательно подчеркивает свои достоинства, и я, к собственному неудовольствию, на это веду. Черт бы ее побрал!

Александрова тем временем подходит к трибуне болельщиков первого отряда и опускается на свободное место рядом с Ларисой. Пока я слежу, как они беззвучно о чем-то переговариваются, девчонки из их отряда зарабатывают первое очко. Твою мать, а я ведь даже вопроса не расслышал!

Дальнейшее развитие событий в игре идет вразрез с моими планами. Пацаны отдают три вопроса подряд первому отряду, тем самым позволяя им выбиться в уверенные лидеры. Но, к счастью, восьмой раунд по географии и девятый по истории они щелкают быстрее остальных, сравнивая счет. Финальный вопрос самый сложный — по астрономии. Все команды берут максимальное время для обсуждения. Мои парни отвечают первыми — и ошибаются. Седьмой и тринадцатый отряды — тоже мимо. Учитывая, что ответ не знаю даже я, рассчитываю на ничью в основной сессии и контрольный вопрос в овертайме, но, к моему изумлению, долговязая рыжуха из отряда Александровой вдруг звонким голосом выдвигает гипотезу, которую Ваня под гром аплодисментов и девичий визг объявляет правильной.

В замешательстве я поднимаюсь со своего места и смотрю на понурые головы моих ребят. Ощущение такое, словно на меня вылили ведро холодной воды, а я к этому был совершенно не готов. Мои мальчишки тоже. Понимаю, что зря на них давил, но разве кто-то мог предсказать подобный результат? Я точно нет. Проигрывать первую игру сезона для меня в новинку.

Не могу сдержаться и смотрю в сторону трибуны первого отряда. Девчонки от счастья визжат и обнимаются. Александрова там же — скачет в самом эпицентре шумной толпы. Одно безумное мгновение созерцания ее задницы, обтянутой джинсами, а потом вдруг она резко оборачивается, словно чувствует на себе мой взгляд, и, насмешливо сузив глаза, торжествующе ухмыляется. Стерва. Еще бы средний палец показала для убедительности — судя по ее лицу, именно это она и хотела сделать.

Глава 6

После слитой игры настроение у меня самое паршивое: на моей памяти «Что? Где? Когда?» девчонкам мы еще ни разу не отдавали. Конечно, все когда-то случается в первый раз, но меня бесит, что свидетельницей конкретно этого проигрыша стала Александрова. До сих пор ее насмешливое лицо с румяными щеками и надменным изгибом бровей стоит перед глазами.

Мальчишки мои тоже поникли. Если честно, ощущаю перед ними вину — зря я так акцентировал значимость этой первой победы. Что такое груз несбывшихся ожиданий, я хорошо знаю по собственному опыту: ребята с грустными глазами, которые, уткнувшись в тарелки, ковыряют остывший ужин, точно не за этим приехали в лагерь. Все случившееся на игре — целиком и полностью мой промах, пусть я тоже не ожидал, что в первом отряде найдется девочка-вундеркинд по астрономии. И все же горевать сейчас бессмысленно: это только начало смены, и впереди у нас десятки шансов, чтобы отыгаться. Ну и простую истину о том, что никогда нельзя недооценивать противника, не помешает вспомнить всем, даже мне самому.

На дискотеку этим вечером отряд отправляется под присмотром Матвея и Паши. Я самоустранился от этого развлечения и уже какое-то время сижу в темной комнате, глядя на причудливые тени, которые отбрасывает уличный фонарь

на бревенчатую стену и потолок в домике. Занятие — блеск, но это лучше, чем снова столкнуться с Александровой.

Стоит мне подумать о ней, как кожу опалает огнем и на одно короткое мгновение перехватывает дыхание. Чертовщина какая-то. Чтобы поскорее отвлечься от образа, который грозит мне удушьем, я беру в руки телефон.

В близлежащем от «Синички» городке, куда я обычно езжу в выходные, у меня есть приятельница Таня. Особо нас ничего не связывает, кроме того, что три года назад она пару недель работала в лагере аниматором. А еще у нас несколько раз был отменный секс, после которого она недвусмысленно намекала, что не откажется от продолжения. Я, к слову, тоже от него не откажусь. Особенно сейчас, когда тело пылает, а в душе неприятно булькает какая-то необъяснимая вяжущая тоска.

Набиваю короткое сообщение: «Привет, Тань. Как дела?» — и после его отправки иду в душ. Когда через десять минут возвращаюсь в комнату, телефон на зарядке светится входящим. В полной уверенности, что это привет от Татьяны, подхожу ближе и бросаю заинтересованный взгляд на экран, но отправителем эсэмэс оказывается не симпатичная брюнетка, а назойливый Паша.

«Не тупи. Приходи. Тут весело».

Поморщившись, я натягиваю свежую футболку и шорты и подхожу к зеркалу, чтобы уложить от природы волнистые волосы. Идти на дискотеку мне совсем не хочется. Точнее, слишком много причин, чтобы мне туда не ходить. Во-первых, я искренне сомневаюсь, что там меня ждет что-то веселое, во-вторых, перспектива столкнуться с Александровой не вызывает у меня энтузиазма. В-третьих... В-третьих, первых двух причин вполне достаточно. И вообще, я устал. Впрочем, можно заглянуть на стадион буквально на пять минут — просто убедиться, что все в порядке.

Уже темно. Над танцполом мигают лампочки, к починке которых я приложил свою руку, культурист Ваня,

наряженный в пижонский зеленый бомбер, ковыряется у диджейского пульта, девчонки всех возрастов бойко извиваются под попсовые ритмы, а пацаны привычно кучкуются по углам площадки. Скучно. Говорил же, что в лагере мало что меняется.

— Вы посмотрите, кто почтил нас своим присутствием, — задиристо скалится Паша, когда я подхожу к нему и Матвею.

Отвечаю засранцу легким ударом справа и насмешливой улыбкой:

— Кто-то же должен проследить, чтобы ты на танцах не облажался... — А потом серьезнее добавляю: — Как обстановка?

— Рабочая. Пока все друг к другу присматриваются, — комментирует Матвей. — Но чувствую, уже на следующей неделе парочки по кустам ловить будем. Наш ушлый Коля Попов явно клеит малышку из тринадцатого. Сам понаблюдай, как он ее обхаживает. Этот в лагере второй год — знает, как тут все устроено.

Я улыбаюсь, вспоминая, как в прошлом году мы с Матвеем спалили нескольких парней, подглядывающих за девчонками в душе, а потом прервали одну парочку, явно жаждущую лишить друг друга обоюдной девственности прямо у дерева. Лагерь, лето и бушующие подростковые гормоны — это, конечно, взрывоопасная смесь.

Пока я предаюсь воспоминаниям, Ваня вместо блевотной попсы ставит популярный танцевальный трек, и народ, до этого тусящий на лавках и по углам, дружно высыпает на танцпол. Александрова тоже тут — пружинящей походкой направляется к центру в компании девчонок из своего отряда и, уловив ритм, начинает покачиваться под музыку.

Я вообще не собираюсь на нее смотреть — это мой план на вечер. Поэтому разворачиваюсь к танцующим спиной и собираюсь завести разговор с парнями.

— Может, на завтра запланируем игру в баскетбол? — предлагаю Матвею. — Разделимся на команды, парнишек в деле посмотрим.

— Хорошая идея, — соглашается друг, но на меня даже не смотрит — его глаза прикованы к танцполу. И отчего-то у меня нет ни малейшего сомнения, что — а точнее, кто вызвал у него такой горячий интерес.

— А Лера хороша, — с глупой улыбкой говорит напарник.

— Согласен, — откликается Паша. — Ты уже фронт проверил? Свободна?

— Как раз собираюсь это сделать, — говорит Матвей, отделяясь от нашей компании и двигая в сторону танцующих.

Проследив за ним, я нахожу взглядом Александру. С раздражением признаю, что двигаться она умеет — это я помню еще с того времени, как она встречалась с Вадиком и как-то раз мы вместе пошли на вечеринку. Лера танцевала весь вечер, а я, чтобы в открытую не пялиться на нее, был вынужден час выслушивать пустую болтовню какой-то незнакомой девки.

Конечно, сейчас все иначе. Я старше и в состоянии контролировать себя. Поэтому, приняв подчеркнуто равнодушный вид, слежу за ее плавными движениями и невпопад думаю, что если в следующий раз она прогнется еще сильнее, то в глубоком вырезе легкого желтого платья будет заметна ее грудь.

Шумно тяну носом воздух, чтобы успокоиться, и неверной рукой провожу по волосам. В штанах жарко и тесно, горло похоже на выжженную солнцем пустыню. И все это от простого наблюдения за тем, как стерва танцует! Дичь какая-то. Пойти, что ли, попить.

Когда через пять минут я возвращаюсь на дискотеку, предварительно вылакав литр минералки, по воздуху плывут тягучие аккорды популярной баллады. Матвей в центре площадки танцует с Лерой, бесстыдно поглаживая ее

по спине. Паша о чем-то треплется с новенькой вожатой Катей. А стоит мне остановиться, ко мне тут же спешит Лариса.

— Потанцуем? — спрашивает она, призывно хлопая ресницами.

Хочу ее технично послать, но в поле моего зрения вновь попадают руки Матвея, хамовато лапающие Александрову. На языке появляется странная горечь, которую мне хочется затушить еще одним литром минералки, а пальцы рефлекторно сжимаются.

— Пойдем, — говорю раздраженно.

Она с готовностью цепляется за мою ладонь и тащит на танцпол. Потом обвивает руками за шею и жметя ко мне всем своим тощим телом.

Несмотря на то что у меня давно никого не было, на Ларису мое тело реагирует резким отторжением. Вот что в ней не так? Вроде и симпатичная, и не круглая дура, а даже мысли о том, чтобы с ней перепихнуться, у меня не возникает. Вся моя надежда этим летом на аниматора Татьяну — надеюсь, за год, что мы не виделись, она не завела себе постоянного бойфренда и с радостью скоротает со мной выходной.

При мысли о Тане внутреннее напряжение немного отпускает, но ненадолго, потому что в следующее мгновение я ловлю на себе заинтересованный взгляд Александровой. Она испуганно распахивает фиалковые глаза, словно я застал ее на месте преступления. Легкая улыбка, которая до этого момента играла у нее на губах, медленно угасает. Она сглатывает раз, второй, третий, облизывает кончиком языка губы, а жгучий румянец на ее щеках становится заметен даже в неярком освещении на стадионе.

Я не попад думаю о том, как она выглядит во время секса. Почему-то подозреваю, что почти так же. Сука.

В этот миг что-то происходит между нами — пространство словно сгущается, как бывает перед штормом, и я от-

четливо ощущаю связь. Интуитивную, энергетическую, даже физическую, которая отдается мощным всплеском желания в моем теле, столь сильным, что мне приходится отстраниться от Ларисы, чтобы она ничего не заметила и, не дай бог, не приняла это на свой счет.

Эта игра в гляделки длится между мной и Александровой секунд десять, не больше. Потом Матвей что-то шепчет ей на ухо, и Лера, словно очнувшись, отводит взгляд. Я тоже возвращаюсь в реальность, в которой Лариса опять едва не лежит на мне, протирая щекой мою грудную клетку. Демонстративно отодвигаюсь от нее и уже хочу сказать, чтобы отвалила, но ее спасает то, что медляк благополучно заканчивается и я могу уйти, не устраивая сцены.

До конца вечера я больше не танцую. Сажу на трибуне, с которой видна вся площадка, слежу за своими ребятами. За Александровой следить у меня нет никакого желания, но почему-то я знаю, что она сегодня нарасхват — танцует с Ваней, потом еще раз с Матвеем и даже с особенно ушлым парнишкой из моего собственного выводка.

Мне до этого нет никакого дела, поэтому, как только часы показывают 21.30 и диджей объявляет последний танец, я тут же собираю отряд и, невзирая на желание мальчишек задержаться, веду на базу с зеленым флагом.

Перед тем как уйти, бросаю последний взгляд на танцпол. Александрова в объятиях Вани медленно покачивается под самую тошнотворную мелодию вечера, а у меня вновь отчаянно чешутся руки кому-нибудь вмазать. Сука, вот что это за чувство? Неужели именно так чувствовал себя Вадик, видя эту девчонку с другим?

Глава 7

Несмотря на эмоциональную и физическую усталость, заснуть мне удастся не сразу, и в этом я виню белокурую стерву, которая второй раз непрошено ворвалась в мою жизнь, чтобы все испортить. Подумать только, несколько дней назад я наивно радовался возможности спокойно отдохнуть в «Синичке», а теперь спокойствие мне только снится. Да и снится ли, если я вторую ночь подряд просыпаюсь в темноте с неясным предчувствием надвигающейся катастрофы и потом долго лежу, воображая всякую ерунду?

Вот что Александрова тут забыла? Не поверю, что с ее послужным списком она не нашла себе занятия лучше, чем провести лето, присматривая за нескладными девочками-подростками. Впрочем, для меня не станет сюрпризом, если в середине смены она сбежит из лагеря, оставив за собой шлейф разбитых сердец и неоправданных авансов.

Закинув руки за голову, тоскливо смотрю в окно. Ни убаюкивающий цокот сверчков, ни монотонный шелест листьев на ветру не в состоянии помочь мне справиться с раздражающими душу эмоциями. На часах почти двенадцать. Давно прозвенел горн на отбой, а Матвей все еще не вернулся. Возможно, прямо сейчас он тискает Александрову в укромном уголке лагеря. Стоит мне подумать об этом, как воображение тут же услужливо рисует мне картину: как от удовольствия закатываются фиалковые глаза, как

тонкие девичьи пальцы путаются в жестких каштановых волосах, как с опухших от поцелуев губ срываются горловые стоны...

Зажмурившись, я утыкаюсь носом в подушку и беззвучно матерюсь, в мыслях возвращаясь в прошлое, в тот самый день, когда я впервые увидел Леру Александрову.

Я тогда жил в Екатеринбурге вдвоем с отцом, учился в одиннадцатом классе и с присущим юности максимализмом верил, что смогу изменить мир к лучшему до того, как он изменит меня.

Тем теплым осенним вечером я ждал лучшего друга Вадима Малкина у местного торгового центра — мы с ним собирались пойти в кино на шпионский блокбастер, который рвал бокс-офис по всему миру. Вадик опаздывал, что было для него совершенно несвойственно, а когда появился на горизонте, с ним была она. Белокурый ангел с удивительными глазами цвета фиалок и ямочками на щеках, которые появлялись всякий раз, когда она улыбалась. А улыбалась она часто.

— Кир, это Лера, — сказал друг с глупой улыбкой, словно это объясняло его получасовое опоздание, из-за которого мы не попали в кафе. Я, прямо скажем, рассчитывал перекусить до сеанса, потому что ради похода в кино отказался от ужина дома.

— Здравствуй, Кирилл, — мелодичным голосом поздоровалась незнакомка, одарив меня сияющим взглядом. — Вадим много о тебе рассказывал.

— Привет, — буркнул я в ответ, испытывая одновременно раздражение и необъяснимое смущение. — А о тебе он мне не говорил, — и потом, глядя только на друга, добавил: — Пошли уже за билетами, а то одни боковые места останутся.

Да, это точно было не самое дружелюбное с моей стороны знакомство, но время показало, что другого Александра и не заслуживала.

Два месяца Вадик находился в любовном дурмане — он таскал девчонку за собой на наши мальчишники, пропускал уроки, чтобы успеть встретить ее после школы на другом конце города, все карманные деньги тратил на подарки и обеды в кафе. А в один прекрасный момент застал ее целующейся с другим парнем. Пытаясь выяснить отношения, он заработал смачный фингал под глазом и узнал, что Александрова не только целовалась, но и спала с типом, который был старше всех нас на пять лет и ездил на сияющей черной «бэхе».

Меня такой исход, прямо скажем, не удивил. Было что-то такое в этой Лере, что не позволяло мне поверить в искренность ее чувств к Вадику. Смотрела она на него точно не как влюбленная, а порой, когда я исподтишка наблюдал за ней, казалось, что в компании моего друга она откровенно скучала. Вот и зачем, спрашивается, она вообще с ним путалась? Уже тогда, несмотря на юный возраст, она была очень привлекательной и сексуальной, хотя, казалось, не прилагала к этому никаких усилий. Парень старше, с правами и тачкой для нее был куда более логичным вариантом, чем подающий надежды школьник-хоккеист, который добирался на свидания на автобусе.

Как бы то ни было, после этой истории Вадик стал сам не свой. Он забросил учебу, спорт, начал серьезно налегать на алкоголь, а однажды я вытащил его из бара, когда он пытался попробовать наркоту. Одним словом, Александрова его сломала. И, по правде сказать, нашу дружбу она сломала тоже, потому что после года бесконечной борьбы за Вадима я опустил руки и, сдав выпускные экзамены в школе, в одиночестве уехал поступать в Москву.

После этого виделись мы лишь однажды — он приходил на похороны моего отца. И хотя я понимал, что с его стороны это был огромный шаг навстречу, вернуть все назад оказалось нереально — слишком разными мы стали за три с лишним года, прошедшие с окончания школы, и дальше

одной ностальгической встречи в баре за бутылкой виски дело так и не пошло.

История Вадика научила меня в отношениях с противоположным полом смотреть далеко за красивый фасад. Так что на удочку Александровой я точно не попадусь, какое бы умопомрачительное тело ни пряталось под ее объемными шмотками и какими бы невинными ни казались мне ее робкие улыбки и выразительные глаза. А они кажутся, я же не дурак. Прекрасно слышу тревожные звоночки в голове, которые верещат о том, что девчонка, даже не напрягаясь, начала пробираться под кожу. Ей всегда это легко удавалось, но трюк, который она играючи проделала с Вадиком, со мной у нее не пройдет, даже несмотря на то что физически она меня привлекает куда больше, чем я бы этого хотел.

Глава 8

Сплю я откровенно паршиво, то и дело проваливаясь в беспокойную дремоту, полную сумбурных сновидений. Основное место среди них, к моему раздражению, занимает миниатюрная блондинка с желтой лентой в волосах. Насмешка судьбы какая-то: словно Александровой мало испорченной реальности, так что теперь она преследует меня и во сне.

Ранним утром я встаю по будильнику. Впервые мне хочется махнуть рукой на пробежку и отключиться еще хотя бы на полчаса: кажется, что проснулся я более уставшим, чем был, когда ложился, но я заставляю себя подняться и выйти на улицу. Много чести для некоторых, если из-за их выкрутасов я стану менять свои принципы.

Чтобы случайно не встретиться с нежелательными личностями, сегодня выбираю другой маршрут в противоположной стороне от озера. И даже самому смешно от собственной глупости становится: судя по тому, что Матвей отсутствовал почти всю ночь и сейчас пребывает в абсолютном беспамятстве, белокурая стерва в этот момент тоже крепко спит, утомленная эротическими игрищами с моим напарником.

Нет, я не накручиваю себя. «Такая девочка, брат. Такая девочка», — слова сонного Матвея, ошалевшего от свалившегося на него счастья, до сих пор отдаются звенящим эхом в моей голове.

Мне должно быть наплевать, в конце концов, Волков взрослый мальчик, но я вспоминаю, сколько раз он выручал меня в прошлом, и понимаю, что не могу остаться в стороне, когда его так нагло используют. Александрова его проглотит как питон кролика, а он даже не заметит. Когда поймет, что произошло, гарантирую, придет ко мне сопли на кулак наматывать. Видел я уже такое и повторения не хочу.

Вчера ночью я твердо решил отбросить любые сантименты в отношении этой девчонки и вести себя с ней как с коллегой. Никаких взглядов украдкой, никаких воспоминаний, никаких глупых мыслей. Таня ответила мне накануне, а значит, чтобы снять сексуальное напряжение, мне нужно потерпеть до субботы — четыре дня я уж как-нибудь переживу. И за это время найду способ отвадить Александрову от Матвея. Пусть тренирует свое очарование на вожатых из других отрядов, а лучше потерпит до дома. Где там она теперь живет?

Этим утром бегаю я без остановок, тщательно слежу за ритмом и дыханием, так что к концу тренировки вместе с приятной усталостью ощущаю мощный прилив энергии. Никаких неожиданных гостей на новом маршруте я не встречаю и в лагерь возвращаюсь в приподнятом настроении.

И чего я так загоняюсь, в самом деле? Это просто девчонка. Самая обыкновенная.

Когда иду мимо столовой, внезапно замечаю знакомую светловолосую голову у стенда с картой «Синички». Хорошее настроение улетучивается, сменяясь другим, более глубоким и гораздо более тревожным чувством. Сердце пропускает удар, желудок неприятно скручивается — черт возьми, почему стерве опять не спится в такую рань?

Самым правильным в этой ситуации будет пойти в свой отряд, не задерживаясь на бессмысленный обмен колкостями, головой я это понимаю, но ноги сами ведут меня к Александровой. Она как магнит, к которому меня тянет

с невероятной силой. Да и не бегать же мне от нее, в самом деле. К тому же не помешает предупредить ее, чтобы к Матвею не лезла. Зачем оттягивать то, что я и так собирался сделать?

— Не спится? — озвучиваю вместо приветствия, оставаясь в паре метров от нее.

Девчонка дергается и резко оборачивается, явно застигнутая врасплох моим появлением.

— Я тут... — Она смущенно улыбается и небрежным жестом отводит с лица выгоревшую прядь волос. — Привет. Не спится, да. А ты?..

— А я бегал.

На мгновение между нами повисает неловкая пауза. Александрова нервно вертит тонкое колечко на мизинце и смотрит куда угодно, но только не на меня, я же наблюдаю, как ее молочные щеки медленно покрываются краской. Занимательное зрелище.

— Я хотела устроить квест для девочек, — произносит она, первой не выдерживая молчания. — Безумно хочу спать, но я так загорелась идеей, что не смогла оставаться в кровати ни секундой дольше. Пришла к карте, чтобы маршрут набросать.

Меня словно током прошибает. Не выспалась она, твою мать. Хоть бы постеснялась мне говорить об этом!

— Удивительная самоотверженность, — цежу я сквозь плотно сжатые губы, сканируя ее лицо.

От моей грубости фиалковые глаза удивленно распахиваются, а между аккуратными бровями появляется морщинка.

— Что ты хочешь этим сказать?

В ожидании ответа Александрова прячет руки в карманы коротко обрезанных шорт. Мои глаза не упускают ни малейшего движения — я вижу, как от ее манипуляций натягивается плотная ткань на бедрах, а на футболке, направленной в шорты, появляется новая складка. Это какая-то

изощренная форма мазохизма — изучать ее фигуру, но, когда ты начал, остановиться почти невозможно. Поэтому мой взгляд поднимается выше — к округлой груди, потом скользит по скромному вырезу футболки и замирает на плавной линии шеи. Как же бесит, что все в ней так идеально!

— Держись подальше от Матвея, — выталкиваю свое предупреждение. — Он не для тебя.

Мне кажется, что на мгновение девчонка лишается дара речи. Выглядит настолько обескураженной, что я начинаю сомневаться в достоверности своих предположений. Но уже следующая фраза ставит все на свои места.

— Моя личная жизнь — это не твое дело. Впрочем, Матвей тоже взрослый мальчик, — с сарказмом говорит она, мятежно вздергивая подбородок. — Без тебя разберемся.

— Кто он для тебя? — рычу я, поражаясь собственной злости. — Очередная игрушка, которую ты выбросишь и заменишь другой

Ее глаза темнеют, но понять, что в них прячется, вина, стыд или обида, я не могу.

— Здесь бы подошло слово «друг», но тебе этого, конечно, не понять, — огрызается она, мечта в меня импровизированные молнии. — Господи, что наговорил тебе Вадим, что ты такого обо мне мнения?

Имя Вадика, неосторожно сорвавшееся с ее губ, распяляет меня еще сильнее, но накатившая волной ярость чудесным образом прочищает голову: я понимаю, что мне пора закругляться. Искушение схватить Леру и заставить ее замолчать любыми способами становится чересчур сильным, а к возможным последствиям этого физического противостояния я пока точно не готов.

— Я тебя предупредил, — бросаю холодно и отворачиваюсь.

— А то что? — несется мне в спину.

А то мы оба горько пожалеем.

Глава 9

— У тебя что-то случилось?

Я поднимаю глаза от тарелки с обедом и хмуро смотрю на Пашу, который лихо перекидывает ногу в модном кроссовке через лавочку и усаживается за стол напротив меня.

— Нет, с чего ты взял? — говорю подчеркнуто спокойно, чтобы не вызвать лишних подозрений, но по выражению лица приятеля вижу, что он мне не верит.

Паша всегда отличался особой наблюдательностью. Матвей не такой — он невнимательный и порой ветреный, а этот если вцепится в тебя, то не отстанет, пока не выяснит, в чем дело.

— Все утро хмурый и нелюдимый, а наши мальчишки, между прочим, двадцать минут назад сделали всех в состязании по стрельбе из лука и взяли десять очков.

Делаю попытку улыбнуться, но выходит лишь кривая гримаса. Отряд молодец, и в любой другой день я бы за нас порадовался, но сейчас не могу. Голова забита мыслями об Александровой и нашей утренней стычке. Вот что она за девка такая? Все отравляет своим присутствием. Даже отдых в родной «Синичке», с которой у меня связано столько теплых воспоминаний, смогла изгадить.

Когда я вернулся с пробежки, Матвей все еще спал. Он пропустил завтрак. Александровой на нем я тоже не ви-

дел. Впрочем, и на стрельбище, где проходило состязание по стрельбе из лука, никто из них не явился. В конце измаявшись от мысли, что они могут быть вместе, я оставил отряд на изумленного Пашу и ушел проветрить мозги за территорию лагеря. И вот теперь он и его любопытство настигли меня за обедом в столовой.

— Нормально все, — бурчу я, вгрызаясь зубами в бутерброд, вкуса которого даже не чувствую.

— Как скажешь, — иронично тянет Паша, стреляя в меня глазами, а потом быстро переключается на другой вопрос: — Руководство попросило нас синхронизировать списки выходных на ближайшую неделю. Матвей хотел в понедельник поехать в город. Я думал про четверг. Ты же ближайшую субботу бронировал, если не ошибаюсь?

— Угу, — отвечаю угрюмо.

Суббота — это встреча с Таней. Встреча с Таней — почти стопроцентный секс. Секс — то, что мне как воздух необходимо, чтобы сбросить напряжение. Я, черт возьми, живу, чтобы наступила суббота.

— Ты такой унылый, когда без настроения, — морщится приятель и, взяв в руки ложку, налегает на борщ.

Показываю ему средний палец и отодвигаю от себя поднос с едой. Хочу сказать, чтобы не лез ко мне, но тут на горизонте появляется Александрова в компании вожатой Кати, и я мгновенно забываю о Паше и его любопытстве. На стерве ярко-желтое платье с воротником-поло и белые кеды. Светлые волосы струятся по плечам, на губах играет легкая улыбка. Солнце светит ей в спину, создавая вокруг нее светящийся ореол. Если бы не знал ее подленькое нутро, сказал бы, что выглядит она сейчас как ангел.

Проследив за моим взглядом, Паша издает понимающий смешок.

— Дружище, так вот оно что! — довольно скаля зубы, шипит он. — Это новенькая, что ли, причина твоего поганого настроения?

— Чушь не неси, — огрызаюсь я, в глубине души понимая, что слишком бурной реакцией выдаю себя с головой.

— Ты бы видел лицо свое, Кир. — Паша силится подавить приступ смеха. — Скажу тебе прямо, ты спалился.

— Это не я спалился, а Матвей, — цежу я так злобно, что Паша удивленно таращит на меня глаза.

Господи, да что со мной происходит? Весь дискомфорт, накопившийся за утро, выливается в совершенно несвойственную мне раздражительность, направленную на ни в чем не повинного Пашу.

— А Матвей тут при чем? — приподняв брови, уточняет друг после длительной паузы.

— Он с ней обжимается, не я. — К счастью, мой голос звучит чуть спокойнее.

— Это тебя беспокоит? — изумляется приятель.

— Меня это не беспокоит.

— Ну, ладно. — Он задумчиво прикусывает губу. — Тогда ты не расстроишься, узнав, что она ему не по зубам и вчера он до утра облизывал Ларису.

Простите, что? Наверное, я не могу скрыть удивления, перемешанного с облегчением, в своем взгляде, потому что Паша начинает ржать как конь.

— Сочувствую, друг, — говорит он с дружелюбной иронией. — Но, кажется, и тебе там ничего не светит. Новенькая за пару дней лихо отшила физрука и Матвея. Непохоже, что ее интрижка в детском лагере интересует.

— Мне и не надо. Уймись уже, ладно? — прошу я, переваривая полученную информацию.

— Телки — это боль, — философски замечает друг.

— Больно тебе будет, когда я тебя в стритбол сделаю, — хватаюсь я за шанс сменить тему.

Паша демонстративно прижимает руку к сердцу и широко улыбается.

— Неужели печальный принц соизволит сыграть со мной?

В стритбол мы с Пашей играем не в первый раз, но в первый раз выиграть становится для меня делом принципа. Терпеть не могу становиться объектом шуток, особенно на такую деликатную тему, как моя идиотская одержимость Александровой.

Пока мы играем, вокруг нас собирается толпа ребят из разных отрядов. Паша — отличный защитник. В мастерстве владения мячом мы с ним на равных, только я маневреннее и с прицелом у меня значительно лучше. Так что свое двадцать первое очко я набираю красивым броском из-за штрафной под бурное улюлюканье толпы.

Вскинув руки в победном жесте, вытираю подолом футболки пот со лба и замечаю желтое пятно у одного из деревьев. Странное ощущение вязкого тепла заполняет желудок, сердце начинает стучать как отбойный молоток.

Лера. Интересно, давно она тут стоит?

Сейчас, когда я знаю, что ночью она не была с Матвеем, я почти рад ее видеть. И даже готов извиниться за утро. Да, она неидеальная, но и я, очевидно, перегнул палку. Но кто же мог подумать, что под «такой девочкой» Матвей подразумевает Ларису, которую мы оба знаем не первый год, а Александрова тут совершенно ни при чем.

Я охаю, получив ощутимый толчок в ребро, но до того, как успеваю ответить обидчику, слышу тихий и насмешливый голос Паши:

— Давай, Ромео, подойди к ней.

Я не собираюсь идти к ней. Пока. Просто смотрю. Но до того, как я успеваю обдумать свой следующий шаг, Лера собирает вокруг себя толпу девчонок из первого отряда и уводит их с площадки. Меня она сознательно игнорирует. Почему это причиняет мне внутренний дискомфорт, я объяснить не могу.

Глава 10

До самого вечера мы с отрядом заняты выбором кружков. В лагере есть секции по футболу и баскетболу, скалолазание, рисование, театральный кружок и обучение лепке из глины. Выбор ребят меня не удивляет — большинство записывается на баскетбол, футбол или скалолазание, и мы с Матвеем и Пашей делимся, чтобы отвести каждую из групп на пробные занятия.

В целом этот день ничем не отличается от сотни других, которые я провел в «Синичке», но сегодня меня одолевает какое-то зудящее нетерпение. Если буду честен с собой, признаюсь, что подсознательно жду новой встречи с Александровой. Наверное, все же чувствую вину за свое грубое поведение этим утром и морально готовлюсь извиниться. Но вразрез с моими желаниями, ее нигде нет. Вот умеет она все делать назло: когда я не хочу ее видеть — тут как тут, а как хочу поговорить — прячется.

В конце концов, промаявшись до ужина, я подхожу к вожатой первого отряда Кате.

— Напарница твоя куда пропала? — спрашиваю подчеркнуто непринужденно.

Девчонка удивленно приподнимает брови и кивает в сторону террасы, на которой я замечаю Ларису в компании Матвея.

— Не она. Лера, — уточняю негромко.

— Ее не будет.

— Не будет? — не скрою, эта информация застаёт меня врасплох.

— Сегодня нет, — подтверждает Катя, кивая кому-то за моей спиной.

— У нее выходной? — настойчиво спрашиваю я.

— Нет. Просто ей надо было уехать. — Девчонка щурит глаза. — А ты почему интересуешься?

— Поговорить с ней хочу.

— Завтра поговоришь. Она вернется утром к подъёму. — Пробормотав извинения, Катя торопливо отходит, оставляя меня с ощущением, подозрительно напоминающим разочарование.

До отбоя я не могу найти себе места. Вроде бы занимаюсь какими-то делами, разговариваю, играю на гитаре, когда мы с ребятами собираемся в общий круг в зале и подводим итоги дня, но в голове постоянно вертятся мысли об Александровой. Она отшила Матвея и, если информация Паши верна, физрука Ваню. Но на ночь уехала в город. Может быть, там ее кто-то ждет? Кто-то особенный?

Сплю я беспокойно, а утром снова отправляюсь на пробежку. На этот раз целенаправленно бегу к озеру, но оно в этот ранний час остается безлюдным и умиротворенным, чего не скажешь обо мне. Сделав несколько упражнений и подтянувшись на ветке ближайшего дуба, с растущим раздражением беру курс на возвращение в «Синичку» и почти перед самым КПП, когда уже ни на что не рассчитываю, встречаю ее. Леру Александрову.

Сначала в глаза бросается яркое желтое пятно среди деревьев, потом, подбежав поближе, различаю силуэт девушки, которая с поникшей головой сидит на огромном валуне ко мне спиной. Рядом валяется тряпичный рюкзак, на нем лежит небрежно брошенный телефон. Похоже, она толь-

ко вернулась из города и даже не заходила на территорию лагеря.

— Это уже традиция — встречать тебя по утрам, — говорю чуть насмешливо, останавливаясь в паре метров от Леры.

Она резко оборачивается — широко распахнутые глаза встревоженные и покрасневшие, а на бледных щеках заметны влажные дорожки. В моей груди что-то болезненно сжимается, и я вдруг понимаю, почему она сидит здесь в одиночестве — она плачет.

— Кто тебя обидел? — спрашиваю резко, не в состоянии побороть в себе оглушительное желание поколотить неведомого мудака.

— Никто. Уходи, — всхлипывает она, пряча от меня глаза и вытирая щеки тыльной стороной ладони.

Я обхожу валун, на котором сидит Лера, и опускаюсь на корточки прямо перед ней. Молчу. Она молчит тоже. Сидит, нахохлившись, подтянув ноги к груди и уткнувшись подбородком в колени.

— Можешь и дальше молчать, — предупреждаю мягко. — Но я не уйду.

Она удивленно поднимает на меня заплаканные глаза и шмыгает носом. Выглядит при этом такой трогательной и уязвимой. И совсем-совсем юной. Я знаю, что мы ровесники, но сейчас я бы не дал ей больше пятнадцати.

На ней желтая футболка с широкой белой полосой и шорты, открывающие длинные ноги в уже знакомых мне кедах. Пшеничные волосы собраны в растрепанный конский хвост, из которого выбилось несколько прядей, живописно обрамляющих лицо. Внезапно мне на ум приходит знак-указатель с нахохлившейся желтой птичкой перед съездом в лагерь.

— Знаешь, на кого ты похожа? — тихо спрашиваю в попытке отвлечь ее от печальных мыслей.

Хмурится. Очевидно, ожидает от меня какую-нибудь колкость.

— На кого? — в конце концов произносит она с ноткой любопытства в фиалковых глазах.

— На птичку-синичку, — говорю я с невольной улыбкой. — У них желто-белый окрас и...

— Я знаю, как выглядит синица, — шепчет она со странным выражением на лице.

Она хлопает ресницами, видимо, решая, комплимент я сказал или опять попытался уколоть. А потом вдруг на губах появляется робкая улыбка.

— Спасибо. Если это комплимент.

Эта ее улыбка делает со мной странное — я чувствую расплзающуюся по грудной клетке теплоту, словно залпом выпил горячий чай или текилу. Чтобы не допустить подобного в будущем, напоминаю себе, как Лера поступила с моим другом. Но почему-то сейчас этот безотказный способ не работает. Нет былой злости, нет обиды. Я все еще ей не верю, но словно в душе что-то надломилось, и я уже не могу относиться к ней так, как два дня назад.

Ее руки все еще обнимают колени. Пальцы сцеплены в напряженный замок. Желание протянуть руку и погладить побелевшие костяшки становится почти нестерпимым, но я не рискую прикоснуться к ней. Подсознательно чувствую, что если переступлю и эту черту, то все запутается еще сильнее.

— Пойдем в лагерь, — предлагаю спокойно и поднимаюсь на ноги.

Она медлит, но через несколько секунд тоже встает. Потом шумно вздыхает, будто сбрасывает с себя тяжкий груз, и берет в руки рюкзак.

— Да.

Игнорируя удивление на ее лице, я забираю у нее тяжелый рюкзак и закидываю себе на плечо.

— Не думаю, что ты готова мне что-то рассказывать, — замечаю философски. — Но если что, то я неплохой слушатель.

Краем глаза замечаю, как она прячет улыбку. Я ее понимаю — вчера я прямым текстом угрожал ей, а сегодня предлагаю исповедаться. Что ж, по крайней мере, больше она не плачет.

— Пойдем.

И мы идем. Медленно, словно никто из нас не хочет окончания этого внезапного перемирия, и в тишине, которую нарушают лишь утренний щебет птиц и тихий шорох гравия под ногами.

Глава 11

Два дня проходят в относительном спокойствии. Ребята уже неплохо адаптировались и сдружились, в коллективе у нас отличная обстановка, по набранным очкам мы немного, но все же выбились вперед, а это задает позитивный тон всему происходящему в отряде.

С Александровой я больше не сталкивался. Видел ее несколько раз в столовой и на дискотеке, но градус напряжения между нами словно сошел на нет. Возможно, я просто смирился, что она здесь, в «Синичке», и мне от нее никуда не деться. Да и ее слезы тем утром как-то отрезвили меня — все мы делаем ошибки, а она такой же человек, как и все вокруг. Все, что мне нужно, — держаться от нее на расстоянии. И тогда, возможно, мы с ней без потерь сможем сосуществовать на одной территории все лето.

Сегодня первый по-настоящему жаркий день, поэтому санитарный врач «Синички» впервые в сезоне дает добро на купание в горном озере. После завтрака мы с ребятами некоторое время гоняем мяч на стадионе, а сразу после десяти возвращаемся в домик, берем плавки, полотенца и отправляемся на берег. По дороге встречаем отряд малышей и первый, который ведут Лариса, Катя и Лера. Коротко кивнув Александровой, я отвожу глаза. На ней микрошорты, полностью открывающие ноги, и майка, завязанная узлом под грудью: вожделение к ней, которое я считал похоронен-

ным за два дня, просыпается с новой силой, и я чувствую, как кровь стремительно несется к паху, вынуждая меня выставить перед собой полотенце, прикрывая позорную реакцию собственного тела.

Несмотря на припекающее солнце, вода в озере бодряще прохладная, что мне, безусловно, на руку — одним махом я остужаю тело и голову. Мы с Пашей и Матвеем каждый делаем по одному заходу в воду с желающими искупаться, а потом падаем на полотенца, жарясь под горячими лучами.

Обсохнув, Матвей достает из рюкзака мяч и предлагает сыграть в волейбол. Парочка наших мальчиков тут же подпрыгивают с места и идут вслед за вожатым, который в это время уже приглашает сыграть первый отряд. Несколько девочек вызываются принять участие в игре. С ними встают Лариса и Катя.

— Лера, а ты? — спрашивает Матвей, подкидывая мяч.

Звук ее имени заставляет меня нехотя обернуться и посмотреть туда, где она сидит. Все время, пока мы были на пляже, я отлично справлялся с тем, чтобы не глазеть на нее в купальнике, а сейчас не смог противиться искушению.

— Не хочу, я отдыхаю, — говорит она, указывая на сочное надкушенное яблоко в руке.

Я вообще не собирался играть, но какой-то черт заставляет меня подняться на ноги. Подхожу к Матвею, играючи выхватываю из его рук мяч и, глядя на Леру, насмешливо произношу:

— Струсил, Александра?

Она застывает и, позабыв о яблоке, медленно поднимает на меня глаза. Смотрит так, словно хочет меня придушить. Сок течет по ее тонким пальцам с аккуратным маникюром, и я вдруг ощущаю необычайную сухость во рту. Лера же в сердцах бросает фрукт в ближайшую урну и, вытерев руки о влажную салфетку, с воинственным видом поднимается с полотенца.

Мой взгляд невольно скользит по ее ногам в коротких шортах: родинка прямо под кромкой шортов, синяк на икре, запекшаяся рана на коленке и тонкие щиколотки... Судорожно сглатываю и буквально заставляю себя отвернуться.

— Делимся по жребию? — предлагаю я.

— Матвей, я буду в твоей команде, ладно? — бесцеремонно перебивает Александра, посылая мне испепеляющий взгляд.

— Не вопрос, Лер! — с готовностью отзывается мой напарник, подставляя ей пятерню для хлопка.

Глядя на этих двоих вместе, я начинаю подозревать, что Паша меня надул. Если Александра и правда отказала Матвею, почему тогда они общаются как ни в чем не бывало? Разве не должно было возникнуть между ними дискомфорт? Какого-то непонимания? Даже вражды?

Я не успеваю погрузиться в анализ происходящего, потому что Матвей отбирает у меня мяч и собирает вокруг себя всех желающих играть. И я вынужденно смещаю свой фокус на набор команды, потому что проиграть сразу и Волкову, и Александровой для меня недопустимо.

Партия проходит на удивление бодро. Мы не делили команды специально, но силы оказались примерно равны, так что в финале игры завязывается напряженная борьба. Конечно, если бы я не тупил порой больше времени, чем следовало, уделяя наблюдению за белокурой девчонкой, счет давно был бы в нашу пользу, а так мы идем вровень.

Встаю на подачу и осматриваю своих противников. Матвей, вожатый Костя Лукин, мальчишка Семен из моего отряда, худосочная девчушка из первого, Лариса и Александра. Вот она как раз напротив меня, поправляет хвост, отчего короткий эластичный топ приподнимается, открывая мне обзор небольшой родинки под самой грудью. Я не могу отвести глаз от этого места, а рот увлажняется так сильно, что возникает серьезная опасность, что, если заговорю, у меня потекут слюни.

— Ты заснул, что ли, Гордеев? — с откровенной насмешкой ворчит из-за сетки Матвей.

В ужасе ощущаю, как кровь бьет в голову и стремительной волной несется в пах. До того, как подать, смотрю, как приятель переглядывается с Лерой и они заразительно смеются, и бью мяч с такой силой, что он летит с бешеной скоростью, едва не прорывая сетку.

Твою. Мать.

Это моя первая серьезная оплошность за всю игру. И та самая, которая может стоить моей команде результата.

Ловлю на себе насмешливый взгляд блондинки и слышу довольный голос Матвея:

— Сдаешь, Гордеев, — а потом он по очереди обнимается с Александровой и Ларисой.

Я думал, что вспышки ярости, вызванные возможной интрижкой у меня под носом, я давно оставил в прошлом, но сейчас, глядя на то, как легко и непринужденно они общаются, я снова хочу все крушить.

Черт возьми, да что за фигня со мной происходит?

Глава 12

Сегодня у Паши выходной, а Матвей с утра мучается мигренью, поэтому большую часть дня я провожу в заботах о мальчишках. Костя из Новокузнецка поранил руку, неудачно упав со ступенек в столовой, и его нужно было отвести в медпункт. У Саши из Москвы заболел живот, и он отправился туда же. Потом я застукал двоих молодчиков из Петербурга за домиком с пачкой сигарет — пришлось отнять контрабанду и прочитать короткую нотацию о вреде курения в столь юном возрасте. Еще один новобранец сбегал из спальни во время тихого часа, чтобы встретиться с девочкой из тринадцатого отряда. Я не против подобных романтических жестов, но не тогда, когда они подрывают дисциплину в коллективе. Один раз такое простишь — на следующий день спать не будет никто.

— Эй, ты как? — тихо спрашиваю я, заходя в вожатскую.

— Спасибо, Кир, что прикрыл меня, — раздается с койки приглушенный голос Матвея. — Уже не так болит, но голова как чумная. Все на месте?

— Ромео вернул на место, — подтверждаю устало. — Ты был прав, что как только ребятня осваивается, начинаются проблемы.

Скинув кроссовки и носки, я ложусь на свою кровать и вытягиваю ноги так, что они свисают над краем. В красных домиках есть специальная кровать под мой рост, с то-

ской вспоминаю я. Я ее самолично модифицировал, чтобы спать с комфортом, а потом пришла Александрова и отняла у меня и кровать, и комфорт.

— Слушай, у тебя все нормально? — вдруг спрашивает Матвей. — Ты какой-то нервный в этом году. И это сейчас не подкол. Я серьезно беспокоюсь.

— Нормально все. Год был непростой, но я справляюсь.

— Я слышал про твоего отца. Мне жаль, Кир.

Ответить на это мне нечего, поэтому, закинув руки за голову, я бесцельно гоняю взгляд по потолку. Я научился жить с перманентным чувством утраты, но при воспоминаниях о папе все равно начинает ныть в груди и пощипывать в глазах. Говорят, пройдет со временем. Не знаю. Я даже не хочу, чтобы проходило, потому что эти реакции тоже своего рода память о нем.

— У тебя с Ларисой серьезно? — меняю я тему.

Этот вопрос вертится у меня на языке уже несколько дней, с тех пор как после памятной игры в пляжный волейбол я застал эту парочку за кабинкой биотуалета со спущенными шортами, но как-то не было подходящего момента, чтобы задать его Матвею.

— Ну, как серьезно? — Он сухо усмехается. — Нравится она мне.

— А Александрова?

— А что с ней?

— Ты вроде на нее залипал в день приезда, — напоминаю я, поражаясь легкомысленности приятеля.

— Еще бы на нее не залипнуть — девка что надо. Но она сразу дала понять, что на отношения не настроена, а я в чужой огород лезть не стану.

— То есть у нее кто-то есть? — стараюсь, чтобы голос звучал максимально ровно и непринужденно, но сам чувствую в нем фальшь.

— А ты почему интересуешься? — От любопытства Матвей даже приподнимает голову от подушки, но тут же